

СХЕМА. Известны затруднения, связанные с описанием значений знаков, в случае семиотического истолкования произведений искусства, дизайна, архитектуры, рекламы или, если меняются контексты. В известной «коммуникативной модели», содержащей такие элементы как *отправитель, адресат, сообщение, код, приходится* очень расширить последнее понятие. Например, код по Эко – это и то, что задает систему *константных общепризнанных значений*, и систему *локальных, частных значений* (так называемый, «лексикод»), и значения «произведения искусств» (Эко называет такой специфический код «идеолектом»), и «слабые коды», когда в зависимости от контекста и установок субъекта постоянно меняются значения; одновременно, код понимается как семиотический метод анализа структур и как сама семиотическая структура, но часто и как структура восприятия. При таком расширительном понимании кода Эко вынужден постоянно фиксировать парадоксы.

Поскольку попытки разрешить эти противоречия в рамках учения о знаках (то есть семиотики) не удаются, предлагается построить другую дисциплину «схемологию», где центральным является понятие «схема». Примерами схемы являются эскизы в проектировании, схема метро или схема андрогина (двухполого существа, которого Зевс рассек пополам) в платоновском «Пире». С одной стороны, схемы – это семиотические образования (они представляют, схематизируют, определенные предметы, отличные от них самих). С другой стороны, схемы – это не отдельные знаки и даже не системы знаков, а самостоятельные предметы.

Говоря о знаках, мы употребляем два ключевых слова – «обозначение» и «замещение», например, некоторое число как знак обозначает то-то (скажем, совокупность предметов), замещает такой-то предмет (эту совокупность) в плане количества. У схемы другие ключевые слова – «описание», «средство» (средство организации деятельности и понимания), «образ предмета». Например, мы говорим, что схема метро описывает пересадки и маршруты движения, помогает понять, как человеку эффективно действовать в метрополитене; именно схема метрополитена задает для нас образ метро как целого. В профессиональных языках и в разных практиках встречаются: «функциональная схема», «принципиальная схема», «монтажная схема», «математическая схема», «транспортная схема», «схема эвакуации» и много других выражений, построенных по сходной языковой логике.

В отличие от обыденного (в том числе и профессионального) понимания можно говорить о понятии «схема» в философии, методологии и науке. Вероятно, впервые в этом втором понятийном значении, как показывает А.Ф. Лосев, термин схема стал употреблять Платон. Но в философию понятие схемы вводит И.Кант.

Анализ схем показывает, что они бывают очень разные и в теоретическом отношении истолковываются по-разному. Так, для Г.П. Щедровицкого схемы – это, прежде всего, средства методологического мышления, для Канта – посредники между категориями и многообразием чувственных данных, для Платона не совсем точная, но пригодная для пользования копия идей. Возникает принципиальный вопрос: можно ли подвести все эти разные случаи под единое понятие?

Укажем основные характеристики понятия схемы. Во-первых, схемы – это *искусственное образование*, мы их строим сами. Во-вторых, схемы – это своего рода *знания о деятельности*, поэтому они могут выступать в роли *средств построения* деятельности. Установка на исследование, науку, знание и образует одно из условий мыслимости понятия схемы. Сравнивая представления о схемах у Платона и Г.П. Щедровицкого, можно сформулировать такую гипотезу: 1) схемы создаются как предварительное условие познания, они позволяют наметить основные характеристики

объекта изучения, подводят нас к нему, но только подводят, собственно изучение этого объекта разворачивается в сфере познания, однако, часто только на схемах мы можем нащупать основные характеристики объекта, который мы исследуем и 2) схемы создают условия для построения деятельности (практической или познавательной).

Ещё одна характеристика: схемы представляют собой двухслойное предметное образование, где один слой (например, графический образ метро) замещает другой (метрополитен как структура движения пассажиров – входы и выходы, линии движения, пересадки).

Указанные характеристики схем позволяют им выполнять несколько функций: *схемы помогают понять происходящее, организуют и переорганизуют деятельность человека, собирают смыслы, до этого никак не связанные между собой, способствуют выявлению новой реальности.*

Появляются (изобретаются) схемы в ситуациях, где стоят проблемы; именно с помощью схем эти проблемы удается разрешить, при этом складывается новый объект (реальность). Необходимым условием формирования схем является *означение*, то есть замещение в языке одних представлений другими. В этом смысле схема вроде бы является одним из видов знаков, однако, главное в схемах – это не возможность действовать вместо обозначаемого объекта, а разрешать проблемы, задавать новое видение и организовывать деятельность. Если мы делаем акцент на новом видении, то знаковая функция схемы выступает только как условие схематизации. Тогда схемы не могут быть поставлены в один ряд со знаками. В этом случае схемы самостоятельная реальность, скорее эпистемологическое образование, о чем и пишет Кант. Если же акцент делается на замещении, то схема – это, действительно, сложный знак со всеми вытекающими из этого последствиями.

Если различать обычные схемы и «методологические», т.е. такие, которые создаются в языке методологии и для ее целей (потом методологические схемы могут использоваться и в других дисциплинах уже как предметные схемы), то понятие «схема» можно изобразить так:

Схемы типа андрогина можно назвать «онтологическими». Онтологические схемы нужны до тех пор, пока в этих новых областях не осуществляется рефлексия, и не создаются новые специфические понятия. Однако можно показать, что в новых понятиях происходит снятие соответствующих схем. Другими словами, схемы в скрытом виде продолжают жить в понятиях. В общем случае в мышлении можно выделить два основных полярных процесса: образование замкнутых предметных областей (деятельности, знаний и т. п.) и процессы схематизации, постоянно конфигурирующие разные предметные области. Первый процесс получил свое осознание и технологию еще в античной философии (именно этой цели служат работы Аристотеля), и далее он каждый раз уточнялся и видоизменялся применительно ко времени и ситуации. Второй же процесс практически не осознан до сих пор («Критика чистого разума» Канта в данном случае является исключением) и совершенно не

оснащен технологически. Только в рамках одного из направлений современной методологии (в Московском методологическом кружке) появляется интерес к осмыслению схем и схематизации.

Понятие «схема» складывается в культурах (античной, средневековой нового времени), где имеет место познавательная научная деятельность. То есть это понятие предполагает специфическое (рациональное) осознание, которое сложилось не раньше античной культуры. В Древнем мире такого осознания, судя по всему, ещё не существовало. Поэтому, скажем, древний нарратив затмения, объясняющий последнее тем, что гигантский дух поедает солнце или луну, считать схемой невозможно. В то же время эскизы и схемы в проектировании – это именно схемы: существует понимание того, что они создаются самими проектировщиками, отличаются от проектов и проектируемого объекта, и тем не менее, используются для их построения, задавая предварительное строение проектируемого объекта.

Тем не менее, древний нарратив затмения все же можно подвести под понятие схемы при том условии, если мы будем считать, что архаический человек является предтечей современного. Конечно, это модернизация, но имеющая смысл в плане объяснения единства эволюции человека, как одна из предпосылок его становления. В этом случае можно говорить не о схемах, а о «квазисхемах», чтобы указать на те допущения, которые проистекают из предложенной модернизации. Квазисхемы в архаической культуре (и в значительной степени и в последующих) задают три грани явления: языковое выражение (нужно было изобрести сам нарратив, например, «ягуар съел солнце» или «луна умирает»), понимание того, что происходит (диск солнца уменьшается, потому что его съедает ягуар), наконец, уяснение того, что надо делать (отгонять ягуара; а там и глядишь, скоро затмение прекращается – ягуар отпускает солнце; то есть архаический человек убеждался в эффективности своего понимания). Этот синкретизм трех образований – языка, коммуникации и деятельности, очевидно, выступает условием разрешения проблем, с которой периодически сталкивались архаические племена (например, когда начиналось затмение, они испытывали ужас и не знали, что делать).

Схемы как самостоятельные предметы задают реальность, в рамках которой мы понимаем значения знаков. Правда, здесь значение нужно понимать не только семиотически, например, как константную или исчезающую структуру (Эко), но и психологически и социально. Значения знаков складываются, становятся в рамках социального внушения и понимания как *процесс принятия новой реальности*. Новое значение «ягуара» – в качестве гигантского небесного духа, могущего нападать на солнце или луну – появляется именно в результате социального внушения, подкрепленного удачной практикой (понятно, что надо делать, и затмение в результате прекращается). Но задание новой реальности это как раз – одна из основных функций схем.

Получается, что необходимым условием формирования знаков выступают схемы. И наоборот, поскольку значение знаков указывают на определенную реальность, они могут использоваться при формировании новых схем. Чтобы создать схему андрогинов, Платон замещает влюбленных половинками андрогинов (то есть в данном случае последние – знаки), в свою очередь, схема андрогинна позволила задать новую реальность и значение «любви». Так попеременно «опираясь» то на знаки, то на схемы и разворачивается в культуре семиозис.

В.М.Розин